

ПЕРМСКИЙ ПАРАДОКС

по мотивам Пермского экономического форума

**Ирина
СТАРОДУБРОВСКАЯ**

кандидат экономических наук,
руководитель научного направления
«Политическая экономия
и региональное развитие» ИЭПП

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • POLITIKA

Я никак не могу понять, почему в Перми либерализм есть, а набережной нет.

*Из выступления депутата ГД РФ
М. Гришанкова на III Пермском
экономическом форуме*

Что такое подготовка эксперта к экономическому форуму? Беглый анализ наспех собранной статистики, с которой извечная проблема: данные из относительно достоверных источников безнадежно устарели, а более свежая информация недостаточно надежна. Просмотренные «по диагонали» социологические опросы. Несколько бурных обсуждений в городской администрации и с коллегами-экспертами¹. На комплексное научное исследование это явно не тянет, для подготовки серьезной статьи проведенного анализа очевидно недостаточно. А вот поразмыслить о сложившейся ситуации желание возникло. Особенно после дискуссий на Форуме, где мне пришлось (точнее было бы сказать — выпала удача) вести круглый стол «Пермь — альтернативы городского

¹ Хотелось бы выразить глубокую признательность всем, кто участвовал в обсуждении представленных здесь идей, чья информация и наблюдения помогли в подготовке этой работы. Огромная благодарность — моим коллегам Евгению Турунцеву, Маргарите Славгородской, Алексею Хрусталеву, с которыми мы вместе готовились к Форуму и обсуждали связанные с этим проблемы. Формированию моей позиции способствовали также интереснейшие дискуссии в администрации города Перми, в которых принимали участие Надежда Григорьевна Кочурова, Лариса Евгеньевна Колобова, Антонина Александровна Галанова, Роман Юрьевич Чепкасов, Антон Александрович Галэта и другие работники администрации. Отдельное спасибо — руководителю администрации г. Перми Аркадию Борисовичу Кацу, общение с которым позволило мне гораздо лучше понять проблемы города.

развития». Поэтому — не научная работа, а размышления, предположения, гипотезы, словом — эссе. Это — о форме. Теперь — о названии.

1. Почему парадокс, или Если все так хорошо, то почему же все так плохо?

С точки зрения традиционно применяемых критериев город Пермь никак нельзя назвать неуспешным. Среди городов-миллионников Приволжского и Уральского федеральных округов Пермь — один из явных лидеров в плане экономического развития и по уровню доходов: второе место по среднемесячной заработной плате и инвестициям на душу населения (после Казани и Екатеринбурга соответственно), уже несколько лет — устойчивое первое по бюджетным доходам на душу населения. Но экономика — не единственное, чем может гордиться город. В среде интеллигенции у него давно уже сложился имидж центра демократических свобод, столицы гражданского общества. Об этом ярко и эмоционально говорили участники круглого стола. Но при этом численность населения города продолжает падать.

Зададимся вопросом: а является ли это реальной проблемой? Продолжает падать численность населения в Самаре и Уфе. До последнего времени сокращалась население Челябинска и Нижнего Новгорода. Что, кроме психологического шока от потери Перми статуса города-миллионника, может вызывать в этом процессе столь серьезную озабоченность?

Тем не менее детальный анализ показывает, что основания для беспокойства есть. На численность населения города влияют два основных фактора: естественное движение населения (разница между числом родившихся и умерших) и миграция. Для всех городов-миллионников Поволжья и Урала характерна естественная убыль населения — умирает больше, чем рождается. И по этому показателю положение Перми далеко не самое плохое — ситуация в Самаре и Нижнем Новгороде намного хуже.

Однако в некоторых из рассматриваемых городов с определенного момента времени численность населения стабилизируется или начинает расти. Достаточно устойчивыми темпами растет население Казани и Екатеринбурга. Похоже, в последнее время стабилизируется число жителей Нижнего Новгорода и Челябинска. В условиях естественной убыли населения это означает, что миграционный приток в город достаточен для того, чтобы компенсировать не только численность уезжающих, но и превышение смертности над рождаемостью.

Действительно, если мы посмотрим на показатели, характеризующие миграционные процессы, выяснится, что практически во всех поволжских и уральских городах-миллионниках с первой половины 2000-х годов с большей или меньшей интенсивностью происходит миграционный прирост населения. Во всех... кроме Перми, где сальдо миграции до сих пор колеблется вокруг нулевой отметки². Причем это не значит, что население города отличается редкой стабильностью. По озвученным на Форуме данным городской администрации, из Перми ежегодно уезжает около 8000 человек. Точной информации о том, кто эти люди, нет. По данным социологических опросов, в наибольшей мере настроена на выезд моло-

---

² Справедливости ради необходимо отметить, что еще более негативная ситуация до середины 2000-х годов по этому показателю складывалась в Уфе. Данные второй половины 2000-х годов из разных источников различаются, поэтому сделать однозначный вывод о развитии ситуации в этом городе довольно сложно.

дежь в возрасте от 21 до 23 лет. По ощущениям, уезжают лучшие, из города «вымывается» интеллектуальная элита. Самым парадоксальным образом один из наиболее успешных на первый взгляд городов оказывается непривлекательным для жизни.

В чем причины подобной ситуации? Этот вопрос подробно обсуждался как на самом Форуме, так и в ходе его подготовки. Было сформулировано два возможных диагноза, и оба они были озвучены в выступлении на Форуме руководителя администрации г. Перми Аркадия Борисовича Каца.

Диагноз 1: обычный город

Одна из обсуждавшихся на Форуме причин состоит в том, что в постсоветский период город не сумел перетянуть на себя функции, формально либо неформально позволяющие ему претендовать на особый статус. Пермь — не центр федерального округа, как Екатеринбург и Нижний Новгород, и не национальный центр, как Казань. Пермь — самый обычный город.

Надо сказать, что тезис этот не бесспорный. С одной стороны, особый статус — это не только привилегия, но и вызов. Более разнообразны функции, более высоки ожидания, которым необходимо соответствовать. С другой стороны, не все рассматриваемые нами города-миллионники имеют подобный статус. Наверное, интереснее всего было бы сравнить Пермь с Челябинском — тоже «обычным городом», не имеющим особых административных привилегий. Тем более что мне в Челябинске приходилось реализовывать несколько проектов, так что город известен, что называется, не понаслышке.

Прежде чем перейти к сухому языку цифр, приведу несколько глубоко личных впечатлений о двух городах. Мне кажется, что Челябинск (во всяком случае, его центральные районы) производит впечатление более цельной, сложившейся городской среды, чем Пермь. В целом Челябинск гораздо более компактен, по площади он значительно (в 1,65 раза) меньше Перми. В двадцати минутах ходьбы от центра — большой и уютный парк, в четверти часа езды — уже лесопарковая зона. А в самом центре — пешеходная улица Кировка, магазины, открытые террасы кафе. Центр достаточно чистый и зеленый, широкие магистрали, большие площади, уютные скверы.

Однако это еще не все. Важно, что городская среда Челябинска отличается своим характером, настроением, стилем. Например, малая скульптура для оживления городского пейзажа используется сейчас во многих российских городах, в том числе и в Перми. Но едва ли многие образцы этого жанра могут потягаться со стоящей в начале челябинской пешеходной улицы, рядом со зданием областного Законодательного собрания, фигурой ходока-крестьянина, недоуменно чешущего затылок при виде гигантского фолианта Конституции. Это сразу же создает настроение мягкой и доброй иронии, которое не отпускает вас на протяжении всей прогулки по Кировке. А скульптурный парад продолжается. Вот прямо посреди улицы вольготно расположился верблюжий караван. Неудивительно, ведь верблюд — герб Челябинска. Перед зданием банка восседает нищий, лысина которого отполирована многочисленными прикосновениями (наверное, на счастье или к деньгам). А висящая на доме доска, издали принимаемая за мемориальную, вдруг оказывается высунувшейся из стены головой фотографа с фотоаппаратом. Создание пешеходных улиц в российских городах становится сегодня все более модным веянием, так же как и городская скульптура уже давно превратилась в повсеместно распространенное явление. А вот формирование

столь позитивного эмоционального фона, по моим впечатлениям, — большая редкость и большая удача.

Но дело не ограничивается Кировкой. Здание Челябинского университета — уменьшенная, почти игрушечная копия университета московского — напомнило мне Оттаву. Там административные здания в центре города похожи на собранные из кубиков «Лего» достопримечательности тех стран, откуда приехали в Канаду мигранты: лондонский парламент, французский замок на Луаре. И вообще Челябинск вызывает неожиданные и парадоксальные ассоциации с канадскими городами. Один мой знакомый, вернувшись из командировки в Челябинск, заметил, что вечерняя Кировка напомнила ему Монреаль.

Все эти позитивные впечатления³ вовсе не означают, что Челябинск — это город, лишенный проблем. Острых вопросов там более чем достаточно. Некоторые отдаленные от центра города промышленные кварталы вполне могли бы послужить декорацией к фильму ужасов (заметьте, выражение не мое, а мэра Челябинска Михаила Юревича⁴). Если ветер дует со стороны металлургического комбината, возникает желание надеть противогаз. А протекающая через город река Миасс с определенного места содержит одни лишь промышленные стоки. Но все это не отменяет вывода, сделанного выше: ощущение цельности городской среды в городе присутствует. И сознательно поддерживается городскими властями: одним из анонсируемых на ближайшее время градостроительных проектов является благоустройство набережной, на которую выходит противоположный от центральной площади конец Кировки. Подобная политика власти высоко оценивается жителями — в ходе недавнего социологического опроса (подробно о нем — немного ниже) почти три четверти челябинских студентов согласились с тем, что облик города в последнее время изменился в лучшую сторону. Сравнивая свой город с Екатеринбургом, респонденты также указывали, что Челябинск выигрывает по архитектурному облику и по уровню благоустройства центра города.

В отличие от Челябинска, Пермь вызывает ощущение разорванности, несформированности, «несшитости» городского пространства. И сложно даже сказать, с чем это связано. Возможно, с непропорционально огромной, «негородской» центральной площадью, застроенной мрачными бетонными коробками административных зданий и торговых центров. А может, с упомянутой в эпиграфе отсутствующей набережной, в поисках которой упираешься в идущую вдоль реки железную дорогу и с этой точки имеешь возможность созерцать унылые заводские трубы на другом берегу. Но вполне возможно, что это перенос на ткань города впечатления дифференцированности, разобщенности, по выражению одного из экспертов — «распараллеленности» городского социума.

И хотя в определенной мере подобные явления характерны для любого крупного города, пермская ситуация, как отмечали участники Форума, все

³ Повторюсь еще раз — эти ощущения сугубо субъективны. На других людей Челябинск производит совершенно иное впечатление. Так, в первом номере журнала «Новый Мир» за 2008 год был опубликован очерк Сергея Костырко «Пейзаж Челябины», автор которого видит в городе смесь мрачного советского символизма и ужаса индустриальной деградации, воспринимая Челябинск в нынешнем его виде как «все еще не прочитанный до конца иероглиф „советского“» (Новый мир. 2008. № 1. С. 135).

⁴ На деловом завтраке в челябинской редакции «Российской газеты» мэр Челябинска, характеризуя итоги реструктуризации экономики города в 1990-е годы, в частности, сказал: «Многие заводы потеряны безвозвратно. На их месте сейчас либо торговые комплексы открыты, либо пустующие здания просто заброшены — там можно фильмы ужасов снимать» (<http://www.polit74.ru/chel/detail.php?ID=19290>).

же достаточно нестандартна. Пожалуй, наиболее ярко ее охарактеризовала известный географ Наталья Зубаревич: «Структура экономики Перми как тяжелопромышленная, очень оборонная создала некую ауру городской среды. Ее в немалой степени и очень позитивно порушило исторически печальное событие — эвакуация многих питерцев в Пермь, создавшая уникальный градус культуры и внутренней интеллигентской среды. Этот многослойный город уникален, когда наверху супермобильное, суперадаптивное население, а внизу очень пролетарская основа — тяжелая для модернизации, плохо объединяющаяся в микросоциумы, без которых города нет. И абсолютно равнодушная к городской среде»⁵.

Подобная расчлененность не может не оказывать влияния на порождаемые городом ощущения. Центральный ресторан Перми носит название «Живаго» (считается, что Юрий Андреевич Живаго провел свои последние дни в городе, прообразом которого в романе Пастернака была именно Пермь), в одном из залов которого висят оригиналы писем Бориса Пастернака. Для сравнения — наиболее известный ресторан Челябинска еще с советских времен носит название «Уральские пельмени», а в Магадане, где в свое время тоже побывало немало представителей творческой интеллигенции, и вовсе — «Зеленый крокодил». Небольшие пермские частные гостиницы отличаются ультрасовременным дизайном и почти европейским комфортом. И при этом — грязь и гололед на улицах, постоянное ощущение строительной площадки в центре города, какой-то общий дух неблагоустроенности и дискомфорта.

Но это, как уже было сказано, личные впечатления и эмоции. Обратимся теперь к более объективной информации. Так получилось, что в Перми и Челябинске почти одновременно — в мае—июне 2008 года — были проведены социологические исследования отношения молодых людей к городу, в котором они проживают, и их миграционных планов⁶. Сам факт практически параллельного изучения данной проблемы в двух городах является знаменательным — именно молодежь представляет собой наиболее мобильный, готовый «голосовать ногами», социальный слой, предпочтения которого во многом будут определять будущее российских городов. Исследования охватывали различные возрастные группы и использовали разные социологические методики, поэтому их количественные результаты напрямую несопоставимы. Однако они позволяют выделить некоторые общие качественные тенденции, характерные для восприятия молодежью своего города.

В первую очередь опросы подтвердили, что трудности жизни в крупных городах во многом схожи. В Челябинске молодые люди в ходе глубинных интервью выделили три основные проблемы: трудоустройство, жилье и экология. Более массовый опрос привел к некоторому расширению круга данных проблем, несколько изменив его по существу. Наряду с уже отмеченными проблемами, связанными с жильем, работой, экологией, в перечень волнующих более 50% опрошенных вошли проблемы преступности и материального достатка. В Перми результаты во многом аналогичны: первые три места отданы проблемам жилья и социально-бытовых условий, безопасности и обеспечения достойного уровня жизни. При этом миграционные настро-

⁵ Цитаты приводятся по тексту стенограммы Пермского экономического форума.

⁶ В Челябинске исследование проводилось информационным социологическим центром «Зырянов и партнеры» и состояло из глубинных интервью 96 студентов выпускных курсов челябинских вузов и анкетного опроса 1001 студента старших курсов челябинских вузов, преимущественно в возрасте 20—23 года. В Перми исследование проводилось социологической компанией «Пермский омнибус». Был проведен анкетный опрос молодежи трех возрастных групп: 14—17, 18—23 и 24—30 лет. Опрос проводился в основном по месту жительства.

ения в первую очередь определяются жилищными проблемами и низким уровнем безопасности.

А дальше начинаются различия, нюансы, важные с точки зрения более детальной оценки состояния городской среды. Хотя жилищные трудности поставлены на первое место молодежью и в том, и в другом городе и высокие цены на жилье являются универсальной проблемой, челябинские респонденты отмечают, что жилье в городе дешевле, чем в мегаполисах. И это, судя по всему, отражает объективное положение дел: по информации городской администрации, в Челябинске самое дешевое жилье среди всех городов-миллионников. Да и общая ситуация в городе с жильем неплохая: из года в год устойчиво растет ввод жилых домов, по обеспеченности жильем на душу населения он приближается к лидеру по этому показателю среди уральских и приволжских городов-миллионников — Казани.

В Перми положение гораздо хуже. Ввод жилья осуществляется значительно более низкими темпами, обеспеченность жильем — одна из наихудших среди городов-конкурентов (ниже — только в Уфе). И при этом, как и в других крупных городах, наблюдаются признаки стагнации жилищного рынка. Когда в условиях остроты проблемы жилья (потенциальный спрос), высоких доходов населения (реальный спрос) и относительно низкого уровня предложения рынок оказывается насыщен, возникает вопрос о степени адекватности реакции экономики на рыночные сигналы. А неадекватность здесь в первую очередь может быть вызвана высокой степенью монополизации жилищного рынка. Вопрос, естественно, требует дальнейшего изучения. Но таков жанр эссе, чтобы выдвигать предположения, пусть и недостаточно проверенные и обоснованные. Отметим, кстати, что в Челябинске механизмом удержания цен на жилье городская администрация считает именно демонополизацию предложения.

Что касается проблемы безопасности, то, хотя она и актуальна для обоих городов, создается впечатление, что в Перми она стоит более остро. В Челябинске она отчасти отодвинута на второй план остротой экологических проблем. Опять же, судя по статистическим данным, объективная ситуация там несколько лучше. Если Пермь является безусловным лидером по показателям преступности на душу населения среди всех приволжских и уральских городов-миллионников (хотя в последнее время положение немного улучшается), то Челябинск занимает в данном перечне одно из самых низких мест (но при этом уровень преступности там продолжает расти).

Что касается субъективного восприятия респондентами ситуации с безопасностью, то в обоих городах оно оказывается во многом полярным. Часть респондентов считает, что значимость данных вопросов сильно преувеличена и на самом деле ситуация не столь драматична. Другие же рассматривают вопрос безопасности как один из наиболее острых, во многом определяющий решения о дальнейшей жизненной стратегии. При этом отсутствие безопасности воспринимается как комплексное, нелинейное явление, не сводимое к показателям преступности: небезопасно жить самому, вести бизнес, рожать детей, которые, из-за существующего качества социальной среды, с высокой степенью вероятности могут приобщиться к алкоголю и наркотикам.

Завершая наш первый диагноз, обратим внимание еще на одну проблему — проблему имиджа города. Можно предположить, что формирование имиджа обычного города — задача более сложная, чем города с особым административным статусом. Если вернуться к сопоставлению Перми и Челябинска, то можно считать, что в активе Челябинска — образ индустри-

альной мощи (ассоциация с Танкоградом или с дымящей заводской трубой, в зависимости от эмоционального фона) и челябинский хоккейный клуб «Трактор»⁷. Последний фактор челябинская администрация активно задействует при формировании образа города, прилагая значительные усилия по развитию массового спорта. Если бы был объявлен конкурс на звание спортивной столицы российской провинции, Челябинск вполне мог бы побороться за одно из первых мест. Для более локального «потребления» внутри города и Уральского региона активно раскручивается имидж Челябинска как города без пробок. И хотя подобный имидж пока еще не полностью соответствует действительности, городские власти вкладывают значительные силы и средства в его практическое подкрепление. И не без успеха.

Нельзя сказать, чтобы Пермь была совсем уж неизвестным городом, но эта известность тоже достаточно парадоксальна. Все более популярным становится сегодня международный фестиваль «Дягилевские сезоны: Пермь—Петербург—Париж». Но... в Европе. В России о нем знают немногие. А памятник пермскому уроженцу Дягилеву работы Эрнста Неизвестного стоит в гимназии имени Дягилева, пугая первоклашек. Один из самых читаемых современных писателей — пермяк Алексей Иванов. Древняя Пермь в его произведениях — край загадочный, мистический, притягательный своей необычностью. Но многие ли сейчас читают — хотя бы и модных писателей...

А вот в массовом сознании имидж Перми до последнего времени был совершенно не сформирован. То ли Пермь, то ли Пенза, все одно — медвежий угол. Насколько я знаю, была идея, обыграв образ пермского периода, сделать в городе парк динозавров. Я попросила своего семнадцатилетнего сына поговорить с его приятелями-студентами по поводу того, какие ассоциации вызывает у них выражение «пермский период». Так вот, выражение «пермский период» вызывает ассоциации с Пермью и никакой дополнительной смысловой нагрузки для не сильно обремененной знаниями современной молодежи не несет. Так что, судя по всему, динозавры здесь не помогут. Тем более что, будем откровенны, в пермский период их и не было.

Но я не случайно оговорила в начале предыдущего абзаца — имидж Перми не был сформирован до последнего времени. Страшная авиакатастрофа, случившаяся в городе на следующий день после окончания экономического форума, не только стала личной трагедией для многих его жителей, но и нанесла тяжелейший ущерб имиджу города. Как ни печально, подобные факты, не имея прямого отношения к городу как таковому, являются, тем не менее, серьезнейшими источниками формирования негативного эмоционального восприятия территории.

Некоторое время назад в Иркутске я попыталась обсудить, почему удивительное архитектурное богатство города — уникальная городская деревянная застройка, потрясающие образцы сибирского барокко — так слабо используется в «раскрутке» городского имиджа. И услышала в ответ: «А у нас уже сложился имидж — Байкал и самолеты падают». К сожалению, Перми угрожает аналогичная ситуация. Только без Байкала.

Но вернемся к экономическому форуму. Наряду с диагнозом «обычный город» была высказана еще одна гипотеза по поводу того, почему город теряет людей.

---

⁷ Пермский футбольный клуб «Амкар» успешно выступает в российской Премьер-лиге и также мог бы использоваться для формирования лица города. Однако, в отличие от «Трактора», который однозначно ассоциируется с Челябинском, то, что этот клуб является пермским, никак не следует из его названия и неизвестно широкой публике.

*Диагноз 2: «им овладело беспокойство,
охота к перемене мест»*

Второй диагноз — особая мобильность пермского населения. По словам одного из экспертов, пермяки — «лучше упакованные в современной жизни люди», более свободные, самостоятельные, легкие на подъем, ответственные за свое будущее. И там, где житель Самары или Екатеринбурга, пусть и недовольный своими перспективами, поворчит и останется на месте, пермяк поедет за лучшим будущим в Питер, в Москву, за границу. Этот тезис в последнее время звучит столь часто, что стал уже общим местом. А потому, наверное, еще больше нуждается в проверке.

Детальное изучение миграционных процессов в крупных городах, необходимое для подтверждения либо опровержения этого тезиса, выходило за рамки моих возможностей при подготовке к Форуму. Поэтому ограничусь лишь данными тех же социологических опросов, о которых говорилось выше. Если рассматривать сопоставимый возрастной интервал, доля желающих уехать из Перми — около 30%, из Челябинска — почти 40%. Из этих сорока более половины стремятся в столичные города и за границу, остальные хотят вернуться в то место, откуда они родом. И хотя, как уже говорилось выше, количественные оценки напрямую плохо сопоставимы и включение в опрос как коренных челябинцев, так и иногородних не могло не повлиять на результаты, можно смело утверждать, что на уровне пожеланий и стремлений молодежь Перми не намного более мобильна, чем молодежь Челябинска⁸.

Поэтому вполне возможно, что Пермь не больше теряет населения, а меньше привлекает. Из тысячи случайно выбранных для проведения опроса студентов челябинских вузов лишь около половины оказались коренными челябинцами. Еще немногим более трети относятся к уроженцам челябинской области, примерно 12% — выходцы из других стран и регионов. И значительная часть приезжих, особенно из сельской местности, хотят остаться в Челябинске. Аналогичные данные по Перми мне не известны. Но, по словам Натальи Зубаревич, в редкозаселенных территориях потенциал стягивания людей в городской центр заведомо меньше и то, что может вытянуть Пермь из своего региона, несопоставимо, например, с Краснодаром. Но это все, опять-таки, предположения; вопрос явно нуждается в дальнейшем и очень серьезном изучении. И строить здесь политику на основе непроверенных стереотипов было бы, наверное, неправильно.

Теперь о самой политике, которая предлагается в связи с повышенной мобильностью пермского населения. Ей была посвящена большая часть выступления главы администрации города. Основная идея — не стремиться удержать активное, мобильное население в городе, а позиционировать Пермь как город возможностей, как стартовую площадку для дальнейшей карьеры. Поэтому люди должны приезжать в Пермь с перспективой перейти затем на следующие ступени роста, возможно в каком-то другом месте. А самореализовавшись, должны возвращаться в город на высокие, статусные должности. И на протяжении всей жизни не терять связи с городом, сохранять здесь жилье, бизнес, контакты. При этом должны приносить во

---

⁸ Это подтверждают и результаты глубинных интервью, в соответствии с которыми более 60% коренных челябинцев планируют остаться в городе, около 30% — уехать в другие города и менее 10% сомневаются и пока еще не приняли решения. Для студентов, приехавших учиться из области, характерна несколько иная картина: более 50% собираются закрепиться в Челябинске, около 15% — переехать в другие крупные города, более 20% сомневаются и только 10–12% собираются вернуться к себе в областной город.

внешний мир позитивный имидж Перми и превращать свои личные успехи в городской имиджевый ресурс.

Надо сказать, что эксперты достаточно прохладно отнеслись к подобной трактовке городской политики, хотя и отдали должное ее оригинальности. Основной риск, на который указывали участники круглого стола: фокусируясь на мигрантах, город забывает о собственных жителях. Вот несколько типичных высказываний, прозвучавших в ходе оживленной дискуссии по этому вопросу.

«Кто является субъектом стратегии, о которой Вы говорите? Это что, такой прогрессистский проект „сверху“? И что означает предложенная Вами стратегия для людей, которые не собираются уезжать, и будут сопротивляться до последнего, не уезжая отсюда? И как их успешность совпадает с Вашей стратегией? Вот о чем нужно разговаривать».

«Что хочет Пермь? Насколько я слышу, все направлено куда-то вовне. Мне кажется, что в этом ошибка. Потому что самих жителей в городе не видят. Кто сейчас живет здесь — нам не важно. Нам важно, чтобы к нам кто-то приехал. И даже не важно, чтобы они остались здесь жить. Поживут три—пять лет, а дальше пусть приезжают новые».

«То, что предлагается — это оболочка стратегии, а внутри есть три разные стратегии. Первая стратегия — это город, в котором хорошо своим, и это означает, что человек, который приехал к нам, совпал с нами на три года, и для того, чтобы быть успешным, должен чуть-чуть стать пермяком. Или это город, в котором хорошо всем. Или это город, в котором хорошо чужим — такое тоже возможно».

Пожалуй, в наиболее сконцентрированной форме общие опасения высказала президент фонда «Институт экономики города» Надежда Косарева: ориентируясь на временщиков, власть создает отчужденную среду для населения города, которое отсюда не уезжает, а если и соберется уезжать, то именно из-за такой стратегии. Этот парадоксальный вывод безусловно заслуживает того, чтобы к нему прислушаться.

«Дай миллион»?!

Отвлечемся еще на некоторое время от дискуссий на Форуме и попробуем взглянуть на проблему, так сказать, «с высоты птичьего полета». Я начала свои рассуждения с того, что если ориентироваться на традиционные критерии, то Пермь выглядит достаточно успешным городом. А на какие критерии мы, собственно, должны ориентироваться? Какие процессы позволят нам говорить, что Пермь развивается успешно в рамках страны, мира, современной цивилизации?

На прошлом экономическом форуме городская администрация давала на этот вопрос вполне однозначный ответ — критерием успеха пермской стратегии является возвращение городу статуса миллионника. Теперь позиция гораздо более осторожная. Попытаемся разобраться, можно ли измерять успех города ростом численности его жителей.

В действительности ответ на этот вопрос зависит от того, в какой логике мы рассматриваем будущее города. В условиях индустриальной эпохи количественные измерители вполне подходили для оценки качественных процессов; во многих случаях между «больше» и «лучше» можно было ставить знак равенства. Растущее количество все более крупных заводов, создающих либо преобразующих под свои нужды жизненное пространство; все большие

массы работников, участвующих в производственном процессе; все более крупные скопления людей в одном месте для обеспечения рабочей силой этих заводов. Собственно, во многом именно так формировались и жили так называемые старопромышленные города, назначение которых в первую очередь сводилось к обслуживанию производства. В том числе и Пермь. Именно к этому толкала их логика индустриализма⁹.

Но времена меняются. И во второй половине XX века на Западе многие индустриальные центры стали переживать глубокие кризисные явления. На фоне дорожающей рабочей силы, борьбы за экологию и энергетических кризисов 1970-х и 1980-х годов основные промышленные производства в развитых странах стали выводиться в государства «третьего мира». Города лишались своей экономической базы. В этой ситуации их перспектива могла быть двоякой: либо превращение в город-призрак, либо радикальное обновление всех сторон городской жизни.

Показателен в этом контексте пример Питтсбурга — металлургической столицы США. В отдельные годы там производилось до 50% американской стали. Другие производства не играли никакой существенной роли, жизнь в созданном в 1930-х годах университете еле теплилась. При этом город оказался на грани экологической катастрофы, и находиться в нем без респиратора становилось все труднее.

После закрытия металлургических заводов Питтсбурга население города сократилось более чем вдвое — с 1950 по 2000 год число жителей снизилось с 677 до 335 тыс. человек. Но при этом город активно реализовывал планы по модернизации городского центра, развитию транспортной инфраструктуры, завершению вывода экологически вредных предприятий, рекультивации городской среды в целом. В результате Питтсбург занимает высокие места в различных рейтингах качества жизни: входит в десятку самых чистых американских городов, находится на 13 месте по привлекательности для молодых специалистов, и наконец, в 2007 году оказался первым в одном из ведущих рейтингов комфортности проживания (в оценке учитывались такие факторы, как стоимость жизни, безопасность и культурная среда).

Естественно, было бы неправильно считать, что все городские проблемы успешно решены. В городе сохраняется высокий уровень бедности. По некоторым данным, все еще актуальны вопросы загрязнения воздушного бассейна. Не все проекты обновления городских районов можно признать успешными. Но, тем не менее, нельзя не признать, что качество городской среды подверглось принципиальным изменениям.

Не менее радикально изменилась и экономическая база. В городе активно развиваются высокотехнологичные производства, в том числе робототехника, ядерная энергетика, передовые медицинские технологии. Крупнейшим работодателем стал образовательный кластер, в городе работает несколько известных университетов. Сейчас по доле занятых в экономике образование вполне способно конкурировать с металлургической промышленностью,

---

⁹ Хочется привести две очень любимые мною цитаты, характеризующие эту эпоху глазами как современников, так и потомков. «Мы идем к невиданно-объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического» (*Гастев А.* О тенденциях пролетарской культуры // *Пролетарская культура.* 1919. № 9—10. С. 45). «То было время громадных марширующих колонн, грандиозных собраний, гигантских спортивных состязаний и масштабных театральных представлений, равно как и массового производства в промышленности и масштабных строительных форм в архитектуре» (*Peukert Detlev J. K.* *The Weimar Republic: the Crisis of Classical Modernity.* London: Penguin Books, 1991. P. 161).

существовавшей 50 лет назад. Кроме того, Питтсбург является одним из ведущих центров корпоративного управления. В нем расположены центры восьми корпораций, входящих в перечень 500 самых крупных, по данным журнала «Форчун», и еще семи корпораций из тысячи крупнейших. Город входит в десятку американских метрополий с наиболее благоприятными условиями для развития бизнеса.

При этом численность населения города, имеющая негативный тренд с 1950-х годов, и сегодня продолжает падать. К началу 2008 года она составила уже 313 тыс. человек, и с высокой степенью вероятности можно предположить, что к 2010 году в городе будет проживать не более 300 тыс. жителей.

Об опыте Питтсбурга на круглом столе рассказал мой коллега Алексей Хрусталеv. Но многие вопросы так и остались без ответа. Можно ли считать Питтсбург успешным городом в условиях сокращающегося населения? И был ли он более успешен тогда, когда его население приближалось к 700 тысячам (заметьте, даже тогда существенно не дотягивая до миллиона), либо сейчас, когда его привлекательность для жизни значительно возросла? И наконец, что из всего этого следует с точки зрения проблем Перми?

Пермь, как и другие российские старопромышленные города, пока не ощущает серьезного дискомфорта от своей производственной специализации. Именно традиционная промышленность позволяет обеспечивать городу те лидирующие позиции в инвестициях, заработках, бюджетных доходах, о которых говорилось выше. И городские лидеры не видят ни особого конфликта между традиционной и новой экономикой, индустриальным и постиндустриальным трендом развития города, ни прямой связи между характером экономической базы и оттоком молодежи. Но верно ли это?

Вернемся к результатам социологических опросов. Очевидно, что решение о продолжении жизни в родном городе либо об отъезде принимается как некая результирующая причин, которые удерживают человека на родине, и стимулов, которые влекут его в другие места. В пермском опросе данные факторы не подвергались специальному рассмотрению. Поэтому нам снова придется обратиться к данным по Челябинску, тем более что они достаточно показательны. В своем городе людей удерживает круг общения (родственники, друзья), жилье и работа. А вот уезжать их заставляет стремление к более интересной, разнообразной, творческой жизни, дающей большие возможности для самореализации. Основные стимулы — более высокооплачиваемая работа, причем по специальности; больше возможностей для профессионального роста и самореализации; более высокое качество жизни; более высокий уровень культуры, в том числе позитивное восприятие нового и прогрессивного. То есть, другими словами, профессиональная сфера и культурная среда играют принципиально важную роль при принятии решения об отъезде из города.

Возникает вопрос: может ли старопромышленный город обеспечить те потребности молодежи, которые сейчас, не находя удовлетворения, заставляют ее искать новые места для приложения своих сил. Достаточно ли для этого просто улучшить работу городской администрации, уделять больше внимания качеству городской среды, предоставлять более разнообразные услуги? Хотя нельзя отрицать, что все эти меры могут дать определенный положительный эффект, тем не менее представляется, что вряд ли они способны радикально решить проблему в целом. Индустриальная база городской экономики частично напрямую определяет важнейшие параметры городской среды (например, плохую экологию), частично воздействует на нее через формирование требований к массовым работникам, так называемым синим воротничкам. И эти требования, к сожалению, не предполагают ни

высокого культурного уровня, ни заинтересованного отношения к своему городу, ни отсутствия вредных привычек. По удачному выражению Ольги Вендиной, «индустриальная экономика — это экономика дешевого человека»¹⁰, не предполагающая крупных вложений в его образование и культуру. Поэтому стандарты экологии, безопасности, благоустройства в старопромышленном городе при прочих равных условиях всегда будут ниже, чем в городе постиндустриальном.

Готова ли молодежь мириться с этими проблемами? В рамках челябинского опроса респондентам задавались два вопроса: «Каким бы Вы лично хотели видеть Челябинск в будущем?» и «В каком направлении, скорее всего, Челябинск реально будет развиваться?». Так вот, молодые люди хотели бы видеть свой город центром развития науки и образования, современных управленческих, консалтинговых и финансовых услуг, центром экологических инноваций, и наконец, центром развития культуры и досуга. А в реальности почти 60% предполагают, что Челябинск останется центром металлургии и машиностроения, хотя желали бы видеть его таким менее 20% опрошенных. Вот такой впечатляющий разрыв. При этом обследование показало, что выпускники вузов и на практике не стремятся идти работать на промышленные предприятия, предпочитая им другие сферы занятости. В своем городе... или в чужом.

Теперь о возможности эволюционного перехода. Собственно, и на нынешнем, и на предыдущем экономическом форуме в Перми много говорили о задачах развития новой экономики в городе. Планы здесь весьма масштабные: новые отрасли промышленности с высокой добавленной стоимостью, кластеры образования и здравоохранения, привлечение центров крупных корпораций и многое другое. Но возможно ли бесконфликтное развитие всех этих сфер в условиях старопромышленного города? Совершенно неожиданный ответ на этот вопрос был получен в ходе круглого стола, когда его участникам предложили обсудить проект под интригующим названием «Город N».

Суть проекта в следующем. Крупная энергетическая компания, стремясь укреплять свои долгосрочные конкурентные преимущества, обсуждает перспективы комплексного развития непроизводственных, постиндустриальных видов деятельности — исследований и разработок, обучения персонала и т. п. Естественно, возникает вопрос о выборе места, где мог бы разместиться корпоративный центр принятия решений и могла бы осуществляться вся эта многообразная, поддерживающая этот процесс деятельность. Собственно, подобного рода активность во многом и формирует экономическую базу постиндустриальных городов. Так вот, по совокупности критериев, которые для себя определила компания в таких сферах, как социокультурный профиль территории, транспортная доступность, экология, безопасность и другие характеристики городской среды, и наконец, в сфере отношения власти и бизнеса, не подошел ни один из 22 субъектов Федерации и из пяти городов-миллионников, где эта компания работает. Соответственно возник проект «Города N» — небольшого компактного городского образования, созданного специально под цели корпоративного развития.

Но дело сейчас не в самом проекте — его идеология на форуме подверглась серьезной критике, поскольку, по мнению участников круглого стола, идея корпоративного города давно себя исчерпала¹¹. Основная проблема

¹⁰ Вендина О. Гипноз роста // Эксперт Урал. 2008. № 25. С. 14.

¹¹ По удачному выражению известного урбаниста Вячеслава Глазычева, это «мертворожденный труп дохлого человека».

в том, что, имея достаточно широкий выбор, компания не нашла для себя комфортного места для развития постиндустриальных видов деятельности среди существующих городов. И это заставляет задуматься о том, насколько возможно преодоление индустриального прошлого естественным, бесконфликтным, эволюционным путем.

Мне импонирует, когда какую-либо проблему, в том числе и выбор между индустриальным и постиндустриальным сценарием развития, можно представить наглядно, в виде зрительного образа. И этот образ вновь связан у меня с Челябинском. Практически посреди современного города, в излучине реки стоит электрометаллургический завод. Чудовищно загрязняет атмосферу. Создает вокруг себя лунный пейзаж. На заводе работает 10 тыс. человек. И пока этот завод стоит в центре города, Челябинску, каким бы формально успешным он ни был, никогда не вырваться за рамки индустриальной эры, не стать органичной частью современной цивилизации. И пусть вопрос о выводе этого предприятия за пределы города — это вопрос не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня, в какой-то момент городу придется решать, что для него важнее — количество или качество, 10 тыс. рабочих мест или возможность скачка в постиндустриальное будущее.

Но вернемся к тому вопросу, в котором мы пытались разобраться в этой небольшой главе. Является ли численность населения города, ее рост или снижение, показателем успешности городского развития? Наверное, города, существующие в индустриальной логике, просто обречены измерять свой успех «числом, а не уменьем»: количеством населения, объемами производства, ростом новых районов и т. п. Ситуация с постиндустриальными городами иная. Ресурс, за который они конкурируют, — высокопрофессиональные, активные люди, те, кого все чаще называют креативным классом, — в любом случае не является массовым и не измеряется по головам. Поэтому для подобных городов показатели качества жизни, комфортности, привлекательности для профессионалов оказываются важнее, чем количественные критерии. Описание города Питтсбурга в энциклопедии¹² содержит ссылки на 5—6 пользующихся доверием рейтингов различных аспектов качества жизни и бизнес-климата, в которых город занимает достаточно высокие места, и именно это считается критерием его успешного развития.

2. Вместо выводов: бремя власти

В этом эссе гораздо больше вопросов и меньше ответов чем, наверное, хотелось бы управленцам-практикам. Как строить будущее города, на какие цели ориентироваться, какие пути выбирать — это в любом случае сфера ответственности городской власти. И проделанной работы явно недостаточно, чтобы давать какие-либо комплексные рекомендации о том, какова должна быть стратегия города. Но несколько замечаний на эту тему хотелось бы сделать.

Обсуждение на форуме показало, что простого, очевидного, быстродействующего решения проблем Перми не просматривается. Конкурентные преимущества города можно наращивать лишь постепенно, кирпичик к кирпичику, «набором непростых многослойных мер» (снова слова Натальи Зубаревич). В число этих мер должно входить и обеспечение определенных (пусть для начала и не столь высоких, как хотелось бы) стандартов предоставления базовых муниципальных услуг, и изменение архитектурного облика города, и имиджевая политика.

¹² http://en.wikipedia.org/wiki/Pittsburgh,_Pennsylvania

Но при этом необходимо помнить, что политика есть искусство возможного. В выступлении главы городской администрации на форуме один слайд из 30 был посвящен «базовым ценностям превращения Перми в город возможностей», к которым были отнесены:

- комфортная пространственная организация;
- современная система образования;
- качественное здравоохранение;
- культура;
- высокий стандарт безопасности;
- благоустройство;
- комфортные места общего пользования;
- доступность жилья в различных сегментах рынка;
- внутригородские коммуникации.

Очевидно, что содержание одного этого слайда способно сформировать программу деятельности администрации на долгие годы, и не очевидно, что ее в принципе возможно выполнить в полном объеме. Но даже если городские власти считают все эти цели достижимыми, необходимо выработать систему определения приоритетов и последовательности действий. Все-таки искусство управления — это постоянное разрешение конфликта между безграничными потребностями и ограниченными ресурсами.

Теперь о ресурсах. У меня создалось впечатление, что городская администрация не до конца использует те ресурсы, которые возникают на основе взаимодействия с местным сообществом и порождаются доверием населения власти. Здесь ситуация также достаточно парадоксальная. Власти и Пермского края, и города Перми известны как высококвалифицированные управленцы, использующие наиболее передовые управленческие технологии, в том числе заимствованные из частного сектора. Но при этом специфика высокопрофессиональных подходов остается во многом непонятной жителям; власть пока не всегда умеет говорить с городским социумом на одном языке. А ведь, если рассматривать эту проблему в логике корпоративного управления, население — это и акционер компании под названием «город», и его клиент. То есть весьма важные для любой корпорации действующие лица.

И наконец, необходимо признать, что стратегическое развитие — это всегда выбор из альтернативных подходов, содержательных развилочек. И выбирая один из возможных вариантов, мы неизбежно что-то приобретаем и что-то теряем, получаем одни преимущества и отказываемся от других. Как говорят англичане, нельзя одновременно съесть пирог и оставить его целым. И тяжкое бремя власти — этот выбор *делать*.